

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЛЯО-ЧЖАЙ

РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ НЕОБЫЧАЙНЫХ

ИЗ СЕРИИ НОВЕЛЛ
ЛЯО-ЧЖАЙ ЧЖИ-И

ПЕРЕВОД, ПРЕДИСЛОВИЕ
И КОММЕНТАРИИ АКАД.
В. М. АЛЕКСЕЕВА

илюстрации
китайских
художников

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
• МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД •

Ответственный редактор
директор Института востоковедения АН СССР
акад. А. Н. Самойлович

Переплет, форзац, ти-
тульный лист и шкуру-
титул работы А. А.
Ушина. — Заставки и
концовки исполнены В. А.
Афанасьевым по ки-
тайским материалам.

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Этот новый сборник новелл Ляо Чжая непосредственно продолжает собою три предыдущих¹ и, по существу говоря, в отдельном предисловии не нуждается. Однако, для читателя, не имевшего доселе в руках предыдущих выпусков, будет полезно узнать нижеизложенное, тем более, что оно значительно дополнено на основании все время растущего опыта

¹ А. Ляо Чжай. Том первый. Лисьи чары. Избранные рассказы Ляо Чжая (1622—1715). Из „Сборника странных рассказов“ Пу Сунлина-Ляо Чжая (Ляо Чжай чжи и). Перевод и предисловие В. М. Алексеева. Всемирная литература. Гос. изд. Пбг. 1922, стр. 158 (29 новелл).

Б. Ляо Чжай. Монахи волшебники. Из „Сборника странных рассказов“ Пу Сунлина (Ляо Чжай чжи и). Перевод и предисловие Б. (опечатка вм. В.) М. Алексеева. Всемирная литература. Гос. изд. М.—Пгр. 1923, стр. 276 (44 новеллы).

В. Ляо Чжай. Странные истории. Перевод с китайского оригинала, предисловие и примечания проф. В. М. Алексеева. Изд-во „Мысль“. Л. 1928, стр. 270 (22 новеллы).

Г. „Царевна заоблачных плющей“ („Беседа“, 1922 г.) — одна новелла.

Д. Ляо Чжай. Таланты китайского судьи. Предисловие, перевод, примечания, иллюстрации. „Восток“, № 5 (8 новелл).

переводчика, а равно и рецензий,¹ устных отзывов читателей, переводчиков и т. д.²

Все предыдущие выпуски, как равно и настоящий, носят, как видит читатель, различные названия: первые — тематического характера („Лисьи чары“, „Монахи-волшебники“)³ последние же — общего („Странные истории“, „Рассказы о людях необычайных“). Все это фиктивные переложения

¹ Из них наиболее компетентная, подробная и для меня поучительная принадлежит проф. Н. И. Конраду и помещена в № 5 „Востока“ (1925). Далее следуют: также весьма компетентная и поучительная рецензия известного синолога критика von Zach, помещенная в „Deutsche Wacht“, Nov. 1927 (Batavia); краткая, но полноценная и считающаяся с русской рецензией рецензия французского синолога E. Gaspardone, помещенная в Bull. de l'École Fr. d'Extr. Orient, XXXI, 1931; краткая, общего характера рецензия харбинского китаиста И. Г. Баранова в „Вестнике Манчжурии“ (1928, № 5) и др., менее компетентные и менее значительные.

² Я ограничусь здесь простым напоминанием читателю, что он в „Лисьих чарах“ найдет предисловие, распространяющееся о китайской лисице и ее магических свойствах, столь часто и столь многообразно представленных у Ляо Чжая (в частности, и в настоящем томе), и далее — о Ляо Чжае, о его стиле и о его читателе, а равно и о прочих сюжетах его повестей. В более кратком предисловии к „Монахам-волшебникам“ трактуется сюжет (искусственно отобранный) сборника, вопрос о вымысле и суеверии самого автора и вопросы перевода. В еще более кратком предисловии к „Странным историям“ трактуется основная проблема всех новелл — проблема человеческого счастья в вымысле и действительности. Всего этого я в настоящем предисловии касаться более не собираюсь, за исключением некоторых вещей, необходимых читателю, не знакомому с предыдущими выпусками.

³ Я предполагал, руководясь подобным принципом отбора новелл, выпустить полное собрание новелл Ляо Чжая в отдельных самостоятельных сборниках, носящих, напр., следующие названия: „Лисьи чары“, „Монахи-волшебники“, „Гадатели-маги“, „Боги-духи“, „Судьи мертвцев“, „Небожители“, „Мертвые духи“, „Перерождения-возмездия“ „Вещие сны“, „Звери и люди“, „Оборотни“, „Диковинки“, „Удивительные люди“ и т. д. Очень жалею, что с этого, в общем, исторического пути (ибо еще в китайском издании 1767 г. новеллы были распределены по темам) я должен был сойти: как бы в подтверждение правильности моего отбора, он произведен в последних китайских изданиях Ляо Чжая на разговорном языке, о которых мне еще придется говорить далее, в этом же предисловии. Впрочем, там все содержание Ляо Чжая поделено менее детально, в таком, напр., виде: „Чудеса лисиц“, „Чудеса бесов“, „Чудеса духов“, „Чудеса людей“, „Чудеса тварей“ (в издании вульгаризированного текста: Цзубэнь фыньлэй байхуа Ляо Чжай чжи и, 3-е издание, 1925 г.). Правда, у этих китайских издателей

общего названия новелл Ляо Чжая „Ляо Чжаевы записки обо всем необычайном“ (Ляо Чжай чжи и), были вызваны сначала желанием отобрать новеллы по их темам, чтобы, во-первых, показать искусство рассказчика, оформляющего каждую из тем самым причудливым образом, а, во-вторых, чтобы предисловие могло (как и сделано в первых двух выпусках) нарисовать полезную для читателя общую картину. Однако, поддавшись советам некоторых читателей, на которых этот отбор производил невыгодное впечатление монотонности и нарочитости, я в двух последних выпусках брал новеллы на разные сюжеты, и заглавие им дал также общее, избегая, однако, точного его перевода, который приберегаю для „Полного собрания сочинений (новелл и лирики) Ляо Чжая“, если таковое, вообще, будет иметь место.

В этот сборник вошли почти исключительно непереведенные в предыдущих выпусках новеллы. Новостью является также оригинальное предисловие Ляо Чжая, переведенное мною ритмически и дающее мне право расшифровать (до некоторой, впрочем, лишь степени) самый псевдоним Ляо Чжая, как „Кабинет Неизбежного“ (для человека, которому не везет, но который хотел бы не подчиняться року).¹

тематический отбор мотивирован совсем иначе, чем это представлялось бы, как рациональное нововведение, русскому переводчику. Вот как они об этом пишут в своем предисловии: „В книге Ляо Чжая говорится и о лисах, и о бесах, и о людях, и о духах — обо всем особо, — но все темы смешаны в одну кучу, и в глазах рябит. Не лучше ли, поэтому, поделить все содержание на сюжеты? — Будет и отчетливо, и в порядке! Нравится тебе читать про лисиц, читай в отделе лисиц; нравится про бесов, читай в их разделе, и т. д., так что эту огромную книгу в миллион с лишним знаков можно будет читать по обособленным частям: и свобода выбора и, вообще, удобство!“

Для советского читателя важно, конечно, не любование тем или иным сюжетом, а исключительно мастерство рассказчика Ляо Чжая, не распыляющееся каждый раз в новую картину, а сосредоточенное вокруг сюжета и этим самым проявляющее себя особо подчеркнутым образом. Речь идет, конечно, лишь о ценителях этого мастерства. Если подобный отбор не производит впечатления монотонности в оригинале, то и в переводе ее не должно было бы быть. Однако вернуться к этому порядку, очевидно, уже не суждено.

¹ Возможно, что Ляо Чжай взял Ляо из фразы „Ляо фу ээр“, сказанной одним поэтом-экзентриком IV в. н. э. в смысле „ничего не поделаешь, приходится“, — тем более, что там обстановка была весьма аналогично данной.

II

О литературном значении Ляо Чжаевых новелл мне уже приходилось говорить не раз, ибо впечатление от перевода должно поневоле корректироваться впечатлением от оригинала.

В самом деле, вряд ли кто-либо из китайских читателей считается с этим сборником как, напр., с этнографическими иллюстрациями, а между тем его новеллы иногда рассматриваются западными учеными исключительно в этнографическом аспекте.¹ Очевидно, основной литературный признак фантастической новеллы, отходя от привычной европейской формы, становится работой экзотического отчуждения, и для вдоворения его на место требуется особое предисловие, которое, вероятно, потребовалось бы не в меньшей степени переводчику на китайский язык „Вия“, „Светланы“, „Майской ночи“ и т. д., чтобы предупредить усердие китайских ученых, разносящих на фольклорные карточки каждую полустрочку Гоголя и Жуковского.

Фантастика в этих повестях, таким образом, прежде всего, доставляет творчеству универсальный материал и инструмент, но, конечно, она совсем не самоцель, — в особенности для наиболее сложных новелл. Вымысел развязывает рассказчику руки, и, именно, талантливое применение фантастики в интересах замысла является, вероятно, тем первым достоинством Ляо Чжая, которое делает его одним из самых популярных авторов, читаемых в Китае и по сей день, и которое в переводе, даже скромном по качеству, отражается легче и лучше всего.

Однако есть еще одно достоинство, которое в глазах китайского читателя, получившего законченное классическое

¹ Так, проф. de Groot использовал значительную часть этих новелл в своем объемистом и до сих пор важном труде по описанию китайских религий („The Religious System of China“), неизменно оперируя китайскими фантазиями как фольклорным материалом, что в методологическом отношении я не признал бы правильным.

образование,¹ является едва ли не равноценным первому. Это — язык новелл, язык, говорящий о простейших вещах условным выбором слов, обычно не существующих (как слова) в простой слышимой речи,² и этим самым создающий читателю какой-то особый литературный мир, особое литературное настроение, не существующее, вероятно, ни в одном из известных нам литературных языков. Это настроение усугубляется, помимо внешнего, уже опознанного, еще внутренним порядком, порядком насыщения речи, и без того уже достаточно

¹ Подробно о нем (его содержании и методе) смотрите в предисловии к „Лисьим чарам“.

² В предисловии к „Монахам-волшебникам“ я уже дал пример такой зашифрованной до неслыханности речи о простых вещах. Сейчас я дам еще один пример, на этот раз взятый из печатного китайского издания, о котором вскоре будет речь. Разговор происходит между мальчиком, сыном торговца, и потому, в лучшем случае, еле грамотным, и слугою — лисом, имеющим еще меньше шансов на грамотность, а тем более на грамотность книжную. Тем не менее, вот, напр., фраза мальчика, значащая не более как следующее:

„Мальчик сказал: Я — сын человека по фамилии Ху. Где, в каком месте, я видел вас с двумя господами? — Неужель вы забыли?“

Теперь, верхняя строка будет изображать речь нормальную, слышимую, а нижняя — условную книжную, почти сплошной анахронизм (курсивом набраны слова, общие по форме, но не по слышимости):

Хайэр шодао: Уо шы син Худы эрцэы, Уо цээндэ цэнцэин цэй шэмма Эр юе: Уо Хуши цэзы. Цэн цэй хэ дифанр цэяньюо ниды лянвэй шао? Ни наньдао ванцэзилама?

Чу цэянь цэюнь дун лян лан? Гу ван чжи е?

В этом примере видно, прежде всего, что количество слов, обслуживающих условную речь (нижнюю строку), совершенно не соответствует нормальному для слышимой речи (в верхней строке). Кроме того, выбор слов, несмотря на все усилия китайца-„переводчика“, перелагавшего на разговорный язык зашифрованную речь автора, оказался вовсе иным, и те слова, которые мною подчеркнуты как общие, на самом деле отнюдь не играют той роли в книжной речи, которую они играют в речи слышимой, где каждое из них является лишь частью слова, а не словом (эр вместо хайэр, ху вместо синхуды, цэзы вместо эрцэы и т. д.), а большинство слов не нашло себе в книжной речи отражения вовсе, будучи или пропущено или заменено совершенно иными словами (юе вместо шодао, хэ вместо шэмма, чу вместо дифанр, и т. д.). Это расхождение, типичное для китайского иероглифического (искусственно-книжного) языка вообще, у Ляо Чжая особенно подчеркнуто.

отчужденной от слышимой действительности целым рядом литературных намеков, образов, цитат, которые для своей расшифровки, а тем более для непосредственного усвоения, в качестве очередных слов, требуют от читателя весьма значительной начитанности в старых китайских текстах, притом в самом широком, превосходящем обычные учебные программы выборе, и при условии крепкой ассоциативной памяти. Расчитанные, таким образом, на исключительного читателя, эти новеллы создают ему исключительное наслаждение, при котором мастерство рассказчика отходит как бы на задний план.¹

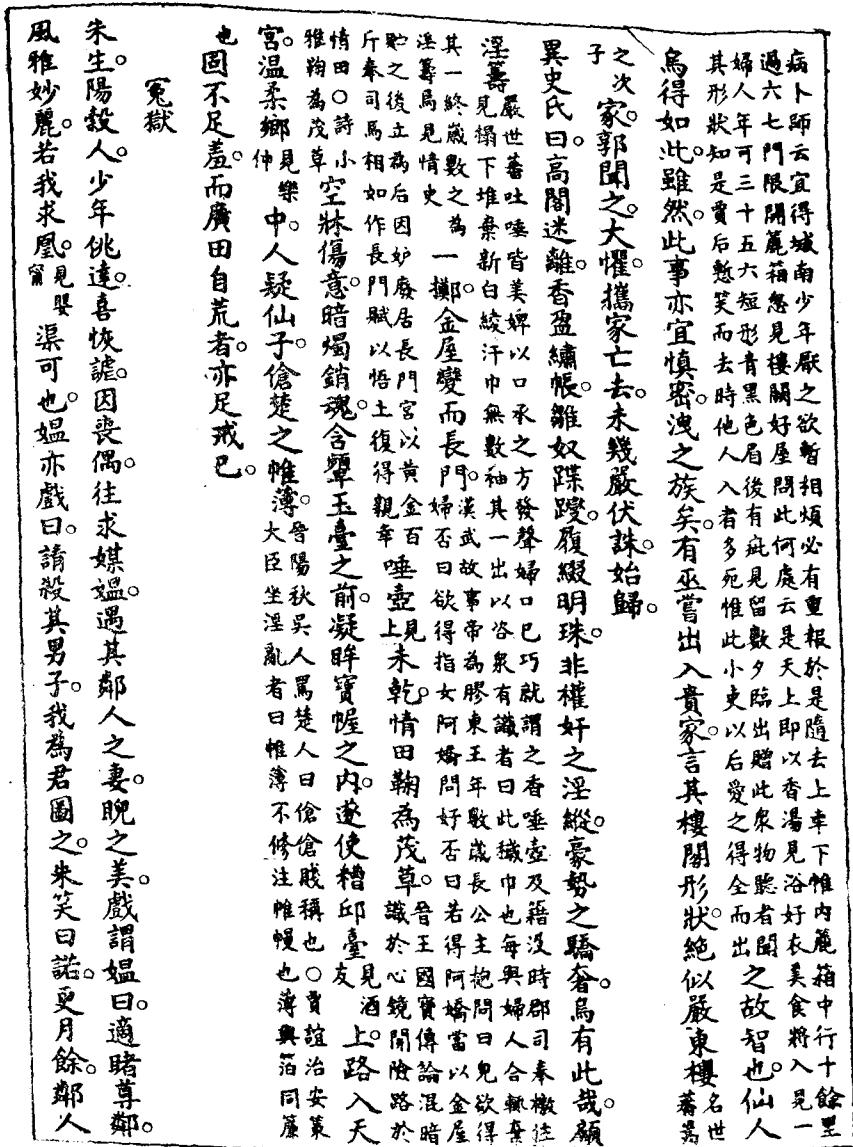
III

Однако, начиная с первых же изданий Ляо Чжая, его достоинство блестящего рассказчика стремилось найти выход и к другому читателю, читателю массовому, а не только кастовому.

Первый метод был, естественно, метод примечаний, которые главным образом расшифровывали цитаты, определяя их оригинал и давая выдержки из него в достаточных

¹ Конечно, лицам, не подходящим (вернее, не подходившим) к этому уровню, это наслаждение, как идущее не через непосредственное восприятие, а только через расшифровку и комментарий, в общем, чуждо, и притом в той именно градации, в которой эта образованность восходит или, наоборот, падает.

Тем не менее, как показывает китайский издательский опыт и непосредственное наблюдение над читателями Ляо Чжая в Китае, уважение к литературным достоинствам его новелл с падением старой образованности читателя отнюдь не падает. Мне лично известно, напр., что очень многие старые китайские преподаватели, подготовлявшие кандидатов к государственным экзаменам, усиленно рекомендовали им не только читать Ляо Чжая, но и заучивать его наизусть, стараясь овладеть его стилем полностью, ибо только таким способом можно было, с их точки зрения, сообщить своей „не переваренной“ (китайское выражение) начитанности характер живой литературной речи, гибкой, эластичной, способной выразить все, что угодно, не опускаясь до „подлого штиля“ (судзы), под которым во время Ляо Чжая и вплоть до двадцатых годов нашего столетия разумелась какая бы то ни было разговорная речь.

Страница из издания новелл, показывающая соотношение текста (крупные знаки) и комментария (мелкие знаки).

для усвоения всей красочности намека размерах.¹ Иногда эти размеры комментария превышают самий текст новеллы (порою во много раз), как, напр., это можно видеть из воспроизведенного выше китайского текста, где крупным шрифтом печатается текст новеллы, а мелким — примечания.

Если сосчитать на этой странице общее число иероглифов, то окажется, что на 165 иероглифов оригинала приходится 376 иероглифов (или 230%) примечаний. И эта страница, конечно, не исключение.

Тем не менее, комментарий охватывает далеко не все страницы, и часто попадаются среди них такие, на которых комментарий вовсе отсутствует. Само собой разумеется, что до охвата массового читателя такому изданию еще довольно далеко. А между тем, популярность этих, казалось бы, недоступных массовому, тем более безграмотному читателю новелл давно уже была создана путем уличных рассказчиков, для которых новеллы Ляо Чжая являются едва ли не самою любимою темою.² Неудивительно, поэтому, что мощное движение в сторону демократизации китайской литературы, замкнутое доселе в кастовых пределах, захватило едва ли не в первую очередь новеллы Ляо Чжая, и у меня, напр., имеются два (весьма зависимых друг от друга) издания, печатающих оригинал вместе с его „переводом“ (так именно издатели это и называют) на разговорный язык — с переводом, состоящим из сплошных разговорных подстановок под оригинал, — типа, разъясненного мною выше. Вот что, между прочим, говорят об этом своем предприятии сами „переводчики“ одного из этих изданий:³

¹ Однако сам Ляо Чжай обладал столь сильною ассоциативною памятью, что очень часто комментаторы, стараясь расшифровать его намек, в конце концов признают тщету своих усилий и заканчивают свои выписки стереотипной фразой: „Что же до слов (таких-то), то откуда они и как попали в текст, не понятно“.

² Об этом любопытном литературном явлении я писал в статье „К истории демократизации китайской старинной литературы (о новеллах Ляо Чжая)“ [„Сергею Федоровичу Ольденбургу, к пятидесятилетию научно-общественной деятельности (1882 — 1932)“. Сборник статей. Изд. Акад. Наук, 1934].

³ „Полный текст Ляо Чжаевых рассказов о чудесах, в сюжетном отборе и в переводе на разговорный язык“ (Цзубэнь фынълэй байхуа Ляо Чжай

„Один наш приятель как-то сказал: «Книга Ляо Чжая написана превосходно. Мысли в ней глубоки, стиль прекрасен и древние изречения в ней обильны. Читаешь эту книгу, и можешь понять правду, расширить свой умственный кругозор, изучить литературу и прекрасно провести время. К сожалению, стиль новелл слишком „глубок“ и древних выражений слишком много. Массовый читатель возьмет эту книгу в руки, и хотя он ясно сознает, что она прекрасна, но, к сожалению, не очень-то ее понимает. Было бы лучше всего издать „Ляо Чжаевы рассказы о странных вещах“ на простом языке, и притом напечатать этот „перевод“ вместе с оригиналом, так чтобы фразе оригинала соответствовала фраза простого языка и чтобы даже каждому иероглифу оригинала соответствовала разговорная его передача. Вышло бы в роде как если бы рядом с тобой стоял человек и объяснял рассказ этак за рассказом! Тогда бы все достоинства этой книги можно было постичь...» Вот что побудило нас издать эти упрощенные по языку (вульгаризированные) рассказы Ляо Чжая о разных чудесах (Байхуа Ляо Чжай чжи и)... Другой приятель говорил нам еще так: «Теперь у нас освободительная эпоха. Все хотят пользоваться общими удобствами, все хотят понимать общие истины. А между тем, старая литература была как бы частною собственностью этих самых прокисших насквозь наших ученых жантильюмов, которые все время боялись допустить к пониманию и к оценке литературных произведений массового читателя. И вот, они в свою старую (по типу) литературу всегда вставляли древнюю цитату, притом же на 70—80%, так что для не владеющего цитатой читателя литературная книга была как бы упавшее откуда-то с неба.— В частности, Ляо Чжай, ведь, книга прекрасная: в ней есть и мысль и наслаждение. Но она относится к старой литературе, и вся насыщена древними выражениями, так

чжи и). Переводчики: Сюй Цзянь и Гао Цзяньхуа. 10 томов, в коробке, 1-е изд., Шанхай, 1921 г., третье — 1925 г. Цена 5 кит. долларов. Другое издание в серии „Новеллы в переводе на живой язык и в новой (европейской) пунктуации“. Издатели: Сюй Шаотян (он же Сюй Цзянь) и Ху. Июнь. 6 томов, Шанхай, 1-е изд., 1923 г.. второе — 1924 г. Цена 2.6 кит. доллара.

что и она является как бы частною собственностью старого начетчика. Подумать, право: ведь, письменность есть собственность и достояние всех людей, и если есть прекрасная книга, то надо всем ее читать, всем приобщиться к тому лучшему, что она дает, всем понять ее... Хорошо бы пригласить, по-моему, какого нибудь старого литератора, который освободил бы нам от оков Ляо Чжаевы новеллы и, при переводе их на простой и живой разговорный язык, взял бы да переплавил нам цитатную насыщенность в особые, на живом языке поданные, переводные объяснения! Этим самым все секреты наших прокисших начетчиков были бы, как бы, пропороты, и рядовому читателю сообщилась бы непосредственно вся прелесть книги Ляо Чжая! — Вот что еще раз побудило нас издать Ляо Чжая на живом языке.

Далее, мы слышим еще следующее: «Старая литература — это, ведь, прекрасное искусство! В ней глубокие идеи, она насыщена очарованьем, которое не уничтожается целыми тысячелетиями, и каждый из нас должен ей учиться. Тем не менее, это очень даже не легко, и лучше всего было бы, кажется, не только перевести Ляо Чжая на живой язык, а, помня и зная, что начинающий учиться не улавливает в старинном стиле никакого вкуса, надо бы под каждую фразу разговорного языка подставить ее оригинал в старинном стиле, и тогда к старинной литературе образуется как бы естественный подход...»

Кроме того, вот еще одно соображение. Новелла — вещь прекрасная. Она развлекает, она поучает. Однако современные новеллы редко хороши, а часто и вовсе никуда не годны, да и стиль их негладкий, неудобный, содержание же и того хуже. Не лучше ли, вместо того, чтобы читать это современное ни то ни се, читать старую новеллу, полную мысли и чувства? Среди старых новелл Ляо Чжаевы выделяются своими достоинствами. К сожалению, их стиль слишком «глубок»: чтобы их понять, нужно каждый раз большое умственное напряжение. Ну, а раз книгу читаешь с таким напряжением, все наслаждение мгновенно улетучивается. При переводе на живой язык это препятствие устраняется, а те, кто желают, все-таки, насладиться оригинальным стилем Ляо Чжая.

Чжая, могут его понять из разговорных его переложений".

Таким образом, популяризация книги Ляо Чжая в подобных изданиях дошла теперь до последней точки, ибо, как видно из данных мной переводов одного из предисловий, этими переводами хотят не только отдалиться от оригинала, а, наоборот, — приблизиться к нему,¹ причем благодаря переводу, действительно педантично близкому к оригиналу, ни одно слово рассказчика не остается неувловленным.

IV

В тесной связи с этими внутриязычными переводами стоит вопрос и о переводе иноязычном.

Действительно, если китайскому массовому читателю надо дать особый, параллельный оригинал текст, который транскрибирует живую речь как своеобразный перевод мертвого условного² стиля оригинала, то как теперь быть с иноязычным переводом? Не следует ли использовать опыт китайских издателей и дать в своем переводе простое отражение их „перевода“?

С одной стороны, это как будто так и должно быть. Ведь переводчик должен прежде всего подчиняться чувству пропорций. Стихотворный оригинал надо переводить стихами же, ритмические композиции — размерною речью, разговорные фразы разговорными и т. д. С этой точки зрения стиль новелл Ляо Чжая, непроизносимый, нечитаемый вслух, а доступный исключительно зритальному впечатлению, должен как будто быть объявлен не переводимым, а только перела-

¹ Поэтому, в тексте одного из этих изданий принят такой „перевод“: сначала дается „перевод“, а потом оригинал (юань вэнь). В другом, зато порядок, обратный этому и для европейца как будто более приемлемый.

² Это последнее его определение не мешает ему быть на самом деле живым и блещущим всеми живыми красотами живого и подлинного вдохновения. „Похвала глупости“ Эразма была написана на мертвом латинском языке, что не помешало произведению стать живым для стольких людей и на столь долгие времена!

гаемым, в соответствии с данными китайских переложений оригинала.

Однако это вряд ли так. Переводчик, подчиняясь все тому же чувству пропорций, должен и оригинал отразить на своем языке пропорционально его претензиям и достоинствам. Как бы ни был труден текст оригинала, вряд ли будет правильно в своем переводе его упрощать. Неужели немцу или китайцу, французу или персу, желающему перевести „Слово о полку Игореве“, придет в голову использовать для этого не оригинальный текст, а „переводы“ Жуковского или Гербеля или многих иных? Конечно нет, и переводчик, пользуясь переложением только как пособием, должен иметь в виду только оригинал.

Тем не менее, трудность, переходящая в невозможность, от этого соображения не исчезает. В самом деле, где в русском литературном, всегда слышимом и всегда произносимом языке найти формы, демонстративно удаляющие русский перевод от русской слышимой речи? Ведь передать простую фразу „куда ты идешь?“, имеющую на китайском языке две—три—четыре и т. д. формы, из которых слышима только одна (ни шан нар цзой),¹ остальные же в разговорном языке не существуют (эр хэ чжи, жу хэ ван цзай, цзюнь хэ эр фучжиху и т. д.), можно только так.² В таком случае надо, действительно, признать — и на этот раз без оговорок и анти-тез — что все диалогические построения Ляо Чжая, действительно, не переводимы и утеряны в русском переводе безвозвратно и окончательно.³

¹ Или без последнего слова (ты—куда?)

² Или с синонимами: ты куда направляешься, движешься и т. д., не без риска, однако, утерять колорит оригинала.

³ В предисловии к „Монахам-волшебникам“ я дал (невероятный, конечно) пример некоего химерического, но претендующего на соблюдение пропорций неслышимости переложения одного Ляо Чжаева диалога. Придется, для пояснения всех этих, вероятно, мало понятных условностей, повторить его, предпослав попрежнему условие, что читатель не знает никаких языков, кроме русского: „Синьорина, à quoi bon детрессы и триестсы? Эвентуально силу девлопировать — не откажусь; sic!“ — вместо нормального: „Барышня, что это ты такая невеселая? Если я смогу тебе помочь — не откажусь!“ Конечно, отстояние китайского оригинала от переложения и живой речи несравненно больше, чем даже в этом извращении.

Остается, однако, вся чисто литературная масса текста, слагающаяся из описаний, рассказов о событиях, характеристик и прочего. Здесь дело уже не так безнадежно. Можно, по-моему, — и, во всяком случае, следует — найти в русском языке наиболее сильные по выразительности, лаконичности, литературному изяществу и так далее выражения, которые достойно (т. е. в достойных и достаточных пропорциях) отражают именно оригинал, в котором нет ни лишних, ни недостающих слов,¹ а не китайский пересказ („перевод“), в котором и то и другое наблюдаются в неумеренном изобилии. Более того, всё во имя того же чувства пропорций, нужно было бы все ритмические части оригинала отразить размером в переводе (с показательным отходом ритмической строки от кадра), и это я непременно попытаюсь сделать в дальнейших переводах и особенно при новом издании старых. Вид у переводов тогда получится вовсе иной, еще ближе к подлиннику.²

V

Когда прогрессировать и в этих направлениях, я продолжал совершенствоваться в наибольшем приближении к подлиннику, изгоняя по возможности лишние и вводные слова,³личные местоимения, подчиненные предложения и многое, спра-

¹ Отсылая читателя за правильным и точным изложением этого вопроса к уже упомянутой мною рецензии на мои переводы проф. Н. И. Конрада („Восток“, № 5), сделаю, все-таки, здесь из нее одну выписку (стр. 222): „Эффект «изящного слова» (я вань) достигается автором (Ляо Чжаем) двумя путями: употреблением сжатой, простой, по синтаксической внешности, но проникнутой характерным ритмическим ходом манеры письма и своеобразной лексикой... так наз. древних слов; вернее, не столь древних, сколько насыщенных теми ассоциациями, которые признаны им «высокой» литературой“. О передаче последнего элемента на русский язык я скажу еще далее.

² Так именно я перевел предисловие Ляо Чжая, предпосыпаемое настоящему сборнику.

³ Однако я попрежнему предпочитаю эти самые вводные слова („как говорится“, „что называется“ и т. д.) кавычкам, когда дело идет о передаче насиливо внедренной в текст неожиданной цитаты.

ведливо указанное в рецензии Н. И. Конрада, которая возражала против моей передачи терпкого, сжатого слога Ляо Чжая компромиссными путями.

Однако не надо преувеличивать: настоящий перевод Ляо Чжая под силу лишь китаисту с более заметным даром переводчика, и, не желая брать на себя больше, чем я мог, я остерегался вводить в переводческую речь слишком личные элементы, ибо не хотел создавать своего собственного произведения на развалинах оригинала. С другой стороны, мой перевод не является точным филологическим, имеющим характер документа, ибо пренебречь читаемостью русского текста хотя бы во имя создания учебной книги китаиста, — цель, постоянно имевшаяся мною в виду, — я не мог и не хотел. Чтобы дать читателю понять, в каких пределах лежит тот средний перевод, который я предлагаю, я сейчас дам три фазиса перевода одного и того же места: во-первых, — точную подстановку русских слов под китайские иероглифы; затем — мой перевод, помещенный в книге, и, наконец, — гладкий русский писательский стиль перевода (см. стр. 18).

Как видно из этого примера, мой перевод, в общем, незначительно отличается и от механической подстановки под иероглифы и от свободно-писательского. К последнему я не прибегал сознательно, желая, при малейшей возможности, сообщить книге характер отчетливо учебной книги.

Как отметил в своей рецензии Н. И. Конрад, таких близких к оригиналу переводов доселе в европейской литературе не наблюдается. А между тем, новеллы эти переводились неоднократно на разные языки как Европы, так и Азии (маньчжурский, японский). Однако полных переводов всего собрания 445 новелл доселе не было: у проф. Джайлза (*Strange Stories from a Chinese Studio, translated and annotated by Herbert A. Giles, Hon. M. A. (Cantab.), Hon. Lld (Aberd.), Professor of Chinese in the University of Cambridge and sometime H. B. M. Consul at Ningpo. Third Edition, revised. London. 1916*) переведено их больше всего (164), но, как отмечает в своей рецензии на мои переводы г. фон Цах, эти переводы стоят в отношении к подлиннику не всегда на своем месте и притом слишком англизированы. На остальных пере-

Ляо Чжай

Три фазы перевода (см. стр. 17)

I. Помощник командующего войском (такой-то) нагружался деньгами, въехал в столицу: хотел предпринять „схватывание печати“. Горевал, не было ступеней. Однажды появляется некто в шубе, на коне, посещает его.

О себе говорит: двоюродный брат является ближним сателлитом сына неба. Чай кончился, просил свободной минутки. Сказал: „перед глазами имеется место воинского командира в такой-то области; если не поскупиться на значительное серебро, слуга (Ваш) велит двоюродному брату всходу („гулюочи“) расхваливать в присутствии Совершенного Владыки: эту должность можно достать; — обладающие большой силой не смогут отнять ее“.

II. Некий подгенерал, запасвшись деньгами, поехал в столицу в чаинни, что называется, „схватить печать“. К великому его оторчению, никаких ступеней к этому у него не было. Но, вот, однажды к нему явился с визитом какой-то человек, одетый в богатую шубу. Он был на коне. — „Мой двоюродный брат, — говорил он, рассказывая сам о себе, — состоит сейчас одним из приближенных Сына Неба“. — Когда кончили чай, новый замкомец попросил уделить ему время без посторонних. — „Видите, сказал он, — в настоящее время в одном месте есть вакансия на пост командующего войсками. Вот, если вы не пожалеете истратить на это солидную сумму денег, то я скажу своему брату, и он будет расхваливать Вас на каждом шагу в присутствии Нашего Совершенного Владыки. Тогда эту должность можно будет для Вас достать, и ее от Вас не посмеют вырвать даже лоди с большого силой связи“.

III. Некий полковник прибыл в столицу с запасом денег, рассчитывая получить соответственное повышение. Однако, к сожалению, он не мог найти никаких линий, к этому путей. Как-то раз к нему явился неизвестный, одетый в дорогую шубу и верхом на коне. — „Мой двоюродный брат, — докладывал о себе незнакомец за чаем, — сейчас состоит в свите Его Величества“.

После чая он попросил несколько минут для отдельного разговора. „Видите, — сказал он, — сейчас имеется вакансия на пост генерала. Не поскупитесь на крупную сумму, и я, если хотите, велю своему брату при всяком удобном случае расхваливать Вас в присутствии Его Величества. Тогда можно будет эту должность для Вас достать, и ее уже не вырвет у Вас никто, даже из имеющих при дворе сильные связи“.

Предисловие

19

VI

Для примечаний я придерживался прежнего правила: использовать решительно все те из них, которые даны в китайском тексте для китайского читателя, не отягощенного китайской старой образованностью, и сверх этого, дать собственные, бытовые и литературные, примечания, необходимые, с моей точки зрения, для той общей ориентации читателя, которая в китайском издании просто подразумевается. Само собою разумеется, что все они даны писательским порядком, без исследовательских приемов. Я даже хотел лишить примечаний предисловие самого автора к своему сборнику, ибо иначе пришлось бы ими снабдить едва ли не каждое слово; однако, я и здесь взял средний путь.

Однако есть еще один тип примечаний, вернее рецензий, помещенных в некоторых изданиях наверху страниц и дающих литературную характеристику достоинств текста. Их я пока не использовал, чтобы не загромождать и без того уже большого запаса примечаний и послесловий.¹ Все же, в будущем к ним придется прибегнуть, и, таким образом, при их помощи, а равно и с полной ревизией всех предыдущих переводов, установить с текстом подлинника полную и нераэривную связь.

¹ Послесловия рассказчика я переводил везде, за исключением разве одного случая, где русский язык отказывался повиноваться нарочитой оптической двусмыслице оригинала. Оценку их предоставляю читателю, не настаивая пока на их особой идеологии, о которой пришлось бы говорить слишком долго. Однако в большой книге о Ляо Чжае, которую я готовлю, о них будет речь на видном месте.

VII

Остается еще сказать два слова о так наз. (неправильно) порнографическом элементе новелл Ляо Чжая, где эротика выступает наружу довольно заметно. Было бы большим фарсом воевать с этим элементом именно у Ляо Чжая, где и оригинал и переводчик сделали все возможное, чтобы у этих строк (вернее, выражений) отнять столь излюбленное у целого ряда русских и западных писателей смакование адюльтерных описаний, которые у этих последних (Золя, Мопассан, Арцыбашев, Калинников) делятся страницами, заполняя целые рассказы, не говоря уже о Декамероне и „1001 ночи“, ставящих точки над *и* еще чаще. Мастерство рассказа и неслыхимая литературизация выражений у Ляо Чжая скрывают эти моменты весьма основательно, и даже те рассказы, самая тема которых вызывает сомнения в удобстве их печатания, являются шедеврами, напоминающими „сююш“ (сказ) повестей Ляо Чжая сквозь призму его „явэн“ (старинного стиля изящества¹).

Это обращение к читателю остается только подтвердить и в конце настоящего предисловия, которое, однако, на этот раз придется несколько расширить за пределы общепереводческого предисловия и рассмотреть несколько подробнее те условия и ту среду, в которых и в которой жил автор новелл, определить их влияние на него и даже рассмотреть вопрос о самом его сложении при данных условиях.

VIII

К сожалению, именно для Ляо Чжая в китайской литературе, столь исключительно богатой биографическим материалом для авторов выдающихся произведений, нет ничего, напоминающего хотя бы отдаленно биографии знаменитых прозаиков, и все, что можно привести текстуально,² сводится буквально к следующим нескольким строкам:

¹ Пользуюсь терминами, указанными в рецензии Н. И. Конрада.

² Не касаясь пока современной литературы, добывающей сведения, на мой взгляд, из весьма сомнительных источников.

Биография Ляо Чжая

„Покойному имя было Сунлин, второе имя — Люсянь, дружеское прозвание — Люцюань. Он получил на экзамене степень суйгун (нечто вроде „действительного студента“ в дореволюционной России) в 1711 году (т. е. когда ему было уже 89 лет) и славился среди своих современников тонким литературным стилем, сочетающимся с высоким нравственным направлением. Со временем своего первого отроческого экзамена он уже был известен такой знаменитости, как Ши Жуньчжан, и вообще его литературная слава уже гремела. Но вот он бросает все и ударяется в старинное литературное творчество, описывая и воспевая свои волнения и переживания.

В этом стиле и на этой литературной стезе он является совершенно самостоятельным и обособленным, не примыкая ни к кому.

И в характере своем, и в своих речах покойный проявлял благороднейшую простоту, соединенную с глубиной мысли и основательностью суждения. Он высоко ставил непоколебимость принципа, всегда называющего только то, что должно быть сделано, и неуклонность нравственного долга.

Вместе со своими друзьями Ли Симэй и Чжан Лию, также крупными именами, он основал поэтическое содружество, в котором все они старались воспитать друг друга в возвышенном служении изящному слову и в нравственном совершенстве.

Покойный Ван Шичжэн всегда дивился его таланту, считая его вне пределов досягаемости для обычных смертных.

В семье покойного хранится богатейшая коллекция его сочинений, но „Рассказы Ляо Чжая о чудесах“ (Ляо Чжай чжи и) особенно восхищают всех нас, как нечто самое вкусное, самое приятное“.

Так рассказывается о Ляо Чжае в старинном китайском источнике „Описание уезда Цзы-чжуань в Шаньдуне“.

Подобная лаконичность и незначительность биографического очерка не может, конечно, быть явлением случайнym. Ясно, что многочисленные авторы предисловий и посвящений к сборнику его новелл вместо исключительно субъективных

славословий наверное предпочли бы дать их в обильно документированной биографической рамке. Попробуем догадаться, почему все это вышло только так, а не иначе.

IX

Вероятнее всего, первою причиной этой биографической скучости надо считать то печальное для Ляо Чжая (с этой точки зрения) обстоятельство, что он, всю жизнь готовясь к государственным экзаменам, дающим право на государственную службу, которая, как известно, награждала предпримчивых кандидатов нигде в мире неслыханными сатрапскими привилегиями, на эту службу так и не попал. Это обстоятельство и определяет прежде всех прочих, почему у него не было официальной биографии среди колossalного количества подобных биографий, которые часто представляют собою лишь фразеологически более гладкие послужные списки, — и почему составителям пришлось предложить сборнику только эту тщедушную заметку из описания уезда, в котором родился и жил Ляо Чжай.

Второю причиной этой неудачной лакуны является, несомненно, самый характер новелл. Ни для кого, конечно, не было секретом, что этот сборник „сиротливых огорчений“ (гу фэн) обездоленного ученого начетчика не имеет в виду проповедывать веру в лисиц, оборотней, бесов, фей, чудотворцев, магов и т. д.,¹ особенно принимая во внимание послесловия автора ко многим новеллам, отнюдь не содержащим славословий всем этим, казалось бы, фетишам фантаста.

Было ясно, даже без догадок (ср., напр., рассказ „Лис из Вэй Шуя“ в „Лисьих чарах“), что некоторые новеллы Ляо Чжая содержат сатиру на современность, особенно на грубое

¹ Удивительно, что убогие люди, держащиеся убеждения в обратном, существуют еще и до сих как в самом Китае, где они ратуют за изгнание новелл из школьного чтения (у нас за это самое надо было бы изгнать Гоголя, Жуковского, былины, сказки, оперы, балеты и т. п.), так и вне его, где они стремятся изгнать новеллы из языковедной демонстрации их в высшей школе как поучающие юношей-иностранцев вере в лисиц и оборотней.

бесчинство, алчность, продажность, интриганство, дикий произвол и бесчеловечность китайского чиновничества, сидящего как в канцеляриях, так и особенно на губернаторских постах. При таких условиях создавать официальное признание человеку, что называется, без роду, без племени, в официальном мире особых охотников отыскаться не могло.

Однако китайское чиновничество никогда не было столь хорошо организовано кастой, чтобы в ней не нашлось людей как понимающих и принимающих сатиру, в качестве законного литературного жанра, так и нечувствительных к ней, как к бессильному орудию. Гораздо важнее было то обстоятельство, что в новеллах, с одной стороны, как будто совершенно не отразился потрясший весь Китай переход в 1644 г. власти в руки маньчжуротов, с другой же стороны, в некоторых из них (напр. в „Морской торговле у Лочасцев“) можно было, даже за гиперболическими извращениями, увидеть ненависть к завоевателям и злую на них сатиру.

Поэтому-то, вероятно, сборник Ляо Чжая и не попал в знаменитую библиотеку императора Цзянь Луна, собиравшуюся уже по напечатанию сборника. При этом отсеве собиратели могли, если бы сочли нужным, указать на якобы неумеренную и слишком вульгарную фантастику автора и этим уже его ликвидировать, как бы не замечая сатиры. Подобное официальное непризнавание писателя не могло, конечно, способствовать биографическим о нем разведкам.

X

Тем не менее, можно довольно ясно, хотя и схематически, охарактеризовать место и роль Ляо Чжая в обществе его эпохи.

Вечный студент, провалившийся на экзаменах и, конечно, обвинявший (см., напр., в его новелле „Тот, кто заведует образованием“ в „Монахах-волшебниках“) в этом нечутких, грубых, лицеприятных чиновников-экзаминаторов, Ляо Чжай все же сам принадлежал к касте чиновников, был соединен с ней всем своим жизненным положением, устремлениями и идеоло-

тией. Для него кроме чиновничьей карьеры, украшенной конфуцианской этикой, идеалов, повидимому, не было.

По сведениям его земляков, писавших о нем в предисловиях к сборнику, а равно и по его собственным словам в предисловии, он добывал средства путем частных уроков, путем натаскивания начетчиков все на те же экзаменационные фокусы,¹ и, таким образом, в обществе играл роль самую незначительную.

Тем не менее, он весьма усердно изобразил сложную жизнь того чиновного слоя, к низшим ступеням которого он сам принадлежал, жизнь, доступную его провинциальному наблюдению или, скорее, его осведомленности, жизнь, которая у него вырисована как редко у кого, так что, как я указал выше, многие китаисты, и в Китае и в Европе, более всего склонны признать за его сборником этнографическое значение. Всесилье чиновника, сидящего у себя в канцелярии и правящего руками хищных служителей своего ямыня (канцелярии), алчность, коррупция, безидеяность, произвол монархической бюрократии той эпохи рисуются Ляо Чжаем очень красноречиво, хотя он и делает попытки смягчить картину редкими образцами умных и нравственных правителей.² Эта картина гниения правящего слоя, целиком отъединившего себя от народа хотя и непривольна, но настолько убедительна, что то сравнительно легкое подчинение Китая иноземными завоевателями (маньчжурами), которое произошло при жизни Ляо Чжая, становится вполне понятным. Чиновничество не имело ни опоры, ни силы к сопротивлению грубому нашествию, о котором народ узнал лишь как о совершившемся факте и против которого защищать свой

¹ О сложности былой системы китайских государственных экзаменов по конфуцианской литераторской программе дает исчерпывающее представление превосходная, документальная книга китайца-иезуита Сюй (Zi, le P. Etienne, *Pratique des Examens Litteraires en Chine*, составляющая № 5 в большой и важной серии *Variétés Sinologiques* (вышла в 1894 г.) и написанная без миссионерской узости, столь ярко характеризующей последние выпуски этой серии.

² См., напр., собранные и переведенные мною рассказы о прозорливых китайских чиновниках, силою ума и честного отношения к делу парализовавших несправедливость. „Таланты китайского судьи“, „Восток“ № 5, а также в этом сборнике.

правящий класс он не хотел и не мог. Сынья о потрясающих политических переменах из своего далекого провинциального мурия, Ляо Чжай отразил в своих произведениях ту самую непротивленческую фигуру умолчания, которая была столь свойственна китайским литераторам, жившим на грани сменяющихся династий. В его новеллах все течет как прежде, и жизнь чередует только поколения, но не свои формы, и тем паче не свою сущность. Жизнь остановилась вне времени и пространства и подлежит суждению лишь как вечный объект, по учению самого Конфуция, который, как известно, в своих уроках истории¹ преподал именно это правило: не обращать внимания на конъюнктуру и факт, а только на соотношения людей, тяготеющие к постоянным нормам и формулам.

XI

Исходя, таким образом, целиком из конфуцианского учения об ученом, облагорожденном своею наукой и потому имеющем право судить людей и ими править, Ляо Чжай стоит в ряду с весьма многими другими писателями вообще и, в частности, с теми, которые, оставаясь в рядах правоверных конфуцианцев, тем не менее, оспаривали ультиматум Конфуция: не говорить о непостижимом и сверхъестественном.² Ляо Чжай

¹ Эти уроки состояли, главным образом, в объяснительном комментарии к древним текстам (Шицзин, Шуцзин), почитаемым за откровение, и особенно к формулам событий, расшифровка которых превращает летопись в историю.

² В своей статье „Древние источники Ляо Чжая“ (Известия Акад. Наук СССР, 1931, Отделение обществ. наук, стр. 23—52) Б. А. Васильев, заимствуя данные китайских новейших писателей (Лу Синя и др.), считает Ляо Чжая неоригинальным подражателем так наз. Танской новелле. Однако, если бы эта статья основывалась не только на стереотипных, давно известных утверждениях китайских учебников, а на литературе о Ляо Чжае и его творчестве (достаточно обильной и для чтения нелегкой), то ее автору стала бы более ясной позиция Ляо Чжая, которого критиковали (и всегда в положительных тонах, даже определенно в евангеле) люди, хорошо знакомые с литературой и не находившие даже нужным говорить о том, что он вполне оригинален.

сосредоточился на идеологии подготавливающегося¹ ученого (шэн), который, обладая или не обладая конфуцианской прозрительностью и преображенностью, дружит с лисами, оборотнями, бесами, феями или же от них видит посрамление и гибель. Он в своих главных новеллах, и особенно в послесловиях к ним, как бы хочет сказать, что все настроение китайского общества происходит от несправедливого выбора правителей, особенно на государственных экзаменах, где настоящие государственные умы бракуются, а натасканные зубрилы торжествуют. Между тем, студент и вырабатывающийся из него ученый литератор, при надлежащей подготовке, а главное при надлежащем отношении к нему общества, могут, по конфуцианскому завету, воспитать в себе „пути великого человека“ (цзюнь-цзы чжи дао) и стать наилучшим выразителем общественной совести. Заслоненное общественной темнотой такое его сознание может быть с наибольшою силой представлено, когда в жизнь вмешивается сверхъестественная сила, которая, материализуясь, играет роль хотя и весьма своеобразную, „одобрения и порицания“, проповеданных в учении Конфуция, иначе говоря, объективного общественного мнения, давно выродившегося в голый произвол фактических правителей китайской земли. Этот мир духов как добрых, так и злых, является, таким образом, подлинным судьей и мздовоздаятелем за нравственную сущность ученого. Сонм божеских сил как бы призван карать труса, предателя, коварного шантажиста, который профанирует свою высокую миссию, и, наоборот, награждать высшим человеческим счастьем студента, достойного своего призыва, честного, просветленного, с рыцарскою душой и скромным поведением. Фантастика здесь призвана восполнить пробел действительной жизни, выступая в роли потенциального обличителя и реставратора жизненной справедливости.

¹ Б. А. Васильев находит нужным заменить мою стереотипную передачу этого слова шэн через „студент“, предлагая „кавалер, сударь“, переводя сам через „ученый“ и приглашая вообще „придумать иной эквивалент“. Но читающим новеллы ясно, что речь идет о студенте, и если его учебные годы растягивались до бесконечности, то это только местный колорит вещей.

Таким образом, вся группа рассказов, объединенных в этом томе, разрешает свою интригу вмешательством сверхъестественных сил, чудотворцев, гипнотизеров и фокусников. Перед нами вопрос, как нам отнестись к этим рассказам и их автору?

В одном и том же китайском слове *синь* (вера, верить) совмещено два мировоззрения, вряд ли уживающиеся друг с другом. *Синь* конфуцианца означает пятое из достижений светлой (гуанмин) конфуцианской личности: веру в *людей*, которым человек благородства служит и которых призывает к такому же служению. В это же самое время *синь* буддийское означает религиозную веру в Будду и его благодать, которая для простолюдина не сложна: перерождение в лучшую форму бытия и подание земных благ. Следовательно, это *синь* есть нечто обратное первому: вера не в людей, а в бога; вера, соединенная, скорее всего, с презрением к людям и ищащая высших сил.

Ляо Чжай был ученый конфуцианского воспитания, и поскольку он был искренний последователь этого учения, его *синь* была верою в людей, не нуждающейся ни в какой сверхъестественной силе и санкции, а тем более — в суеверии (*ми синь*). Ортодоксальное конфуцианство с презрением, а иногда даже с враждебностью соперника относилось к таким религиозно-нравственным учениям как, напр., буддизм, даосизм, христианство, и нередко вели с ними борьбу, не останавливающуюся перед государственным преследованием. Следовательно, Ляо Чжаю, аспиранту на государственные должности, и потому обязанному исповедывать конфуцианский символ веры без всяких компромиссов, было как-будто не к лицу писать рассказы, переполненные лисьими и всякими иными оборотнями, бесами, наваждениями и, наконец, чудесами, исходящими от монахов.

И действительно, решаясь выступить с огромным сборником подобных рассказов, он написал очень интересное к нему предисловие, в котором, заранее учитывая все насмешки, которые конфуцианцы-ортодоксы будут в него направлять, он указывает, однако, на примеры крупных литературных имен, не чуждавшихся сверхъестественных тем, — особенно в тех случаях, когда автору, знающему себе цену, совсем иную,

нежели та, что ему давали другие, в жизни, говоря попросту, не везло. Он звал к себе все стихии, особенно незримые, и обращался к ним за справедливостью.

Таким образом, перед нами довольно обычный тип литератора, прячущийся от жизни за химерой своей собственной концепции и особенно своей необузданной фантазии. Однако конфуцианская идеология оказалась приемлемой и для данной эпохи. Новые маньчжурские правители ввели ее — минус фантастический, конечно, элемент — в жизнь общества весьма решительным порядком, и конфуцианская система, в ее извращенно-сусальном виде, охватила весь Китай в последний раз, но еще на два с половиною века, так что вся идеология Ляо Чжая была как бы общественным выражением правительской ферулы.

Выше уже достаточно показано, как мастерски старый конфуцианский язык в новеллах Ляо Чжая заговорил о живых и простых вещах, создав читателю удовольствие как бы стилизованного театрального представления, берущего темы из житейской толщи и преображающего их в схемы и формулы, не теряя при этом показа и яркого сознания действительности. Можно легко видеть, что при разрушении конфуцианской системы, с одной стороны, и затем при движении масс к просвещению, в котором истории студентов и лис станут уже чтением отсталым как по содержанию, так и по форме (европеизация формы уже кричит против Ляо-Чжаева языка) — одним словом, с развитием китайского общества, которое совершается не так уж медленно, как это нам кажется, Ляо-Чжаевы новеллы отойдут в своем оригинальном тексте в область мировой литературы на правах, скажем, Апулея, а в общественном значении — к литературе сказки. Впрочем, этот процесс можно уже считать законченным: Ляо Чжай перестал быть литературной картиной Китая и китайца вне границ времени, как было до сих пор, и начал свою жизнь в исторических памятниках¹ китайского средневековья.

B. Алексеев

¹ Библиография переводов Ляо Чжая дана в тексте предисловия. Ввиду частичности их изданий исчерпывающий их список бесполезен. Что же

Оформление книги. По техническим причинам не удалось пока использовать для иллюстраций совершенно исключительный по красоте рукописный альбом Ляо-Чжаевых новелл (Ляо Чжай ту юн), хранящийся в Институте востоковедения Академии Наук СССР. Пришлось временно ограничиться рисунками стереотипного издания 1886 г., прибавив две народные картины и заставки-концовки, точно так же взятые из китайского народного искусства вышивок — все это для своеобразного корректива впечатлений читателя от перевода, который, при всем желании переводчика, не мог отразить оригинал с полною его красочностью.

B. A.

касается библиографии китайской, то я попрежнему считаюсь, главным образом, с литографированным изданием 1886 г. и его позднейшими перепечатками, сделанными известною фирмой Тунвэнь. При чтении же оригинала и для полного издания новелл Ляо Чжая следует прибегнуть к изданию 1922 г. (Цзэнпин, Сян чжу, Ляо Чжай чжи и, ту юн), как к наиболее полному в отношении комментария и критики. Среди литературы о Ляо Чжае на китайском языке следует упомянуть очень содержательную книжку известного современного литератора Чжоу Шужэнь (под псевд. Лу Синь) „Очерк истории китайской повествовательной литературы“, где в главе XXII читатель найдет в китайской форме параграф „О Пу Сунлине (Ляо Чжае), как о подражателе (цзиньским и танским) новеллам о лисах и бесах“, распространенный, без должного указания, в вышеупомянутой статье Б. А. Васильева „Древние источники Ляо Чжая“. Недавно изданные автографы Ляо Чжая касаются лишь частичных новелл.

ОГЛАВЛЕНИЕ¹

	Текст	Приме- чания
Предисловие	3	—
„Моя история“ — предисловие Яо Чжая к сборнику его новелл Ляо Чжай чжи-и: 白志 Цзы чжи	31	34
„Рассказы о людях необычайных“ (Ляо Чжай чжи-и)		
1. Вероучение „Белого Лотоса“: 白蓮教 Бай Лянъ цзяо (№ 87; гл. 5)	39	451
2. Чан Тин и её коварный отец: 長亭 Чан Тин (№ 172, гл. 10)	44	452
3. Ян — „шрам над глазом“: 楊疤眼 Ян Ба-янъ (№ 186, гл. 10)	56	—
4. Переодетый Цзинь-линец: 金陵乙 Цзинь-лин И (№ 419, гл. 16)	59	453
5. Пророчество о Четвертой Ху: 胡四娘 Ху Сы-нян (№ 144, гл. 8)	63	453
6. Схватил лису: 捉狐 Чжо ху (№ 394, гл. 15)	73	—
7. Верная сваха Цин Мэй: 青梅 Цин Мэй (№ 111, гл. 6)	77	455
8. Физиognом Лю: 柳生 Лю шэн (№ 146, гл. 8)	93	457
9. Яо Нян и ее любовник: 巧娘 Яо Нян (№ 32, гл. 2)	101	457

¹ Порядок обозначений: название (распространенный перевод оригинала), иероглифы оригинала, русская транскрипция, номер рассказа в общем порядке обычных изданий, порядок глав оригинала.

	Текст	Примечания
10. Сюдай из И-шуйя: 沛水秀才 И-шуй сюдай (№ 311, гл. 14)	115	459
11. Лис лезет в жбан: 狐入瓶 Ху жу пин (№ 397, гл. 15)	119	—
12. Содержание чиновника: 祿數 Агу шу (№ 149, гл. 8)	123	459
13. Чу Суй-лян в новой жизни: 褚遂良 Чу Суй-лян (№ 221, гл. 12)	127	459
14. Красная яшма: 紅玉 Хун Юй (№ 40, гл. 3)	133	459
15. Семьи разбойников: 盜戶 Дао ху (№ 235, гл. 12)	144	460
16. Лисёнок Лю Лян-цай: 劉亮采 Лю Лян-цай (№ 409, гл. 16)	147	461
17. Гадалка на монетах: 錢卜巫 Цянь бу у (№ 428, гл. 16)	151	461
18. Неудача честного Чжан Хун-цзяня: 張鴻漸 Чжан Хун-цзян (№ 202, гл. 11)	159	462
19. Случай с Пын Эр-цзином: 彭二靜 Пын Эр-цзин (№ 207, гл. 11)	173	—
20. Божество спиритов: 占仙 Цзи Сянь (№ 268, гл. 13)	177	464
21. Храбрый студент из Чжэ-дуна: 浙東生 Чжэ-дун шэн (№ 462, гл. 16)	181	464
22. Дун погиб: 董生 Дун шэн (№ 16, гл. 1)	185	464
23. Продавец холста: 布客 Бу-кэ (№ 352, гл. 15)	193	465
24. Верховный святой: 上仙 Шан Сянь (№ 358, гл. 15)	198	465
25. Линь-цзыский Шао неумолим: 邵臨淄 Шао Линь-цзы (№ 362, гл. 15)	203	466
26. Хэ-цзянский студент: 河閒生 Хэ-цзян шэн (№ 375, гл. 15)	207	466
27. Святой Хэ: 何仙 Хэ Сянь (№ 373, гл. 15)	211	466
28. Студент-вор Цзи: 姬生 Цзи-шэн (№ 97, гл. 5)	216	468
29. Некий И, удачливый вор: 某乙 Moy И (№ 426, гл. 16)	223	468
30. Сынок торговца: 賈兒 Гу эр (№ 15, гл. 1)	227	470
31. Пение лягушек: 蛙曲 Ва ѿй (№ 35, гл. 2)	235	470
32. Ван Чэн и перепел: 王成 Ван Чэн (№ 12, гл. 1)	239	470

	Текст	Примечания
33. Мышиные спектакли: 鼠戲 Шу-си (№ 36, гл. 2)	250	471
34. А Сю и её двойник: 阿繡 A Сю (№ 153, гл. 9)	253	471
35. Жены Син Цзы-и: 邢子儀 Син Цзы-и (№ 193, гл. 11)	265	472
36. Священный правитель: 靈官 Лиин Гуань (№ 402, гл. 15)	272	473
37. Услужливый Лю Я-чань: 陸押官 Лю Я-чань (№ 194, гл. 11)	276	473
38. Укротитель Ма Цзе-фу: 馬介甫 Ма Цзе-фу (№ 176, гл. 10)	282	473
39. Как вызывают духа танцем: 跳神 Тяо шэн (№ 208, гл. 11)	296	476
40. Зеркало Фын Сянь: 凤仙 Фын Сянь (№ 197, гл. 11)	301	476
41. Искусство „Железной Рубахи“: 鐵布衫法 Те-бу-шань фа (№ 209, гл. 11)	314	—
42. Усмиряет лисицу: 伏狐 Фу ху (№ 33, гл. 2)	317	478
43. Бог града: 鬼神 Бао Шэн (№ 248, гл. 13)	321	478
44. Благодарная Сяо Мэй: 小梅 Сяо Мэй (№ 200, гл. 11)	325	478
45. Фокусы: 戲術 Си шу (№ 335 и 336, гл. 14)	337	480
46. Как Цзяо Мин грозил лисе: 焦螟 Цзяо Мин (№ 400, гл. 15)	341	480
47. Шантаж, рассказ первый: 局詐 Цзюй чжа (№ 273, гл. 13)	345	481
48. Шантаж, рассказ второй: (№ 174, гл. 13)	350	481
49. Фонарь-пёс: 犬燈 Чюань дэн (№ 100, гл. 6)	356	481
50. Зеркалом слушает: 鏡聽 Цзин тин (№ 314, гл. 14)	361	481
51. Царевна заоблачных плющей: 雲蘿公主 Юнь-ло чун-чжу (№ 150, гл. 9)	365	482
52. Нежный красавец Хуан девятый: 黃九郎 Хуан Цзю-лан (№ 91, гл. 5)	383	483
53. Дева-рыцарь: 俠女 Се нюй (№ 26, гл. 2)	395	486
54. Единственный чиновник: 一員官 Июань цзань (№ 444, гл. 16)	406	—
55. Человечек: 小官人 Сяо цзань жень (№ 23, гл. 2)	410	486

	Текст	Приме- чания
56. Губернатор Юй Чэн-лун, рассказ первый: 于中丞 Юй Чжун-чэн (№ 415, гл. 16)	413	486
57. Губернатор Юй Чэн-лун, рассказ второй: (№ 416, гл. 16) . .	417	487
58. Как он решил дело: 折獄 Чжэ юй (рассказ первый) (№ 420, гл. 16)	422	487
59. Поторопились: 折獄 Чжэ юй (рассказ второй) (№ 421, гл. 16)	428	487
60. Приговор на основании стихов: 詩讞 Ши сянь (№ 431, гл. 16)	433	487
61. Тайюаньское дело: 太原獄 Тай Юань юй (№ 440, гл. 16)	440	489
62. Синъчжэнское дело: 新鄭獄 Синь Чжэн юй (№ 441, гл. 16)	445	—

Технический редактор М. И.-
С т е б л и н - К а м е н с к и й . —
Ученый корректор В. А. Э з-
в е т н о в с к и й . — Сдано в из-
дательство 17 июля 1936 г. — Подписано
к печати 5 апреля 1937 г. —
496 стр. + 2 вклейки. — Формат
бумаги 62 × 94 см. — 31 печ. л. —
24,57 уч.-авт. л. — 31445 тип. зи-
в. п. л. — Тираж 10225. — Ленинград.
Ленгориздат № 1574. — АНИ № 1355. —
Заказ № 2837. — Типография
им. Володарского, Ленинград,
Фонтанка, 57. — Оглавление на-
брano в Типографии Академии
Наук СССР. Ленинград, В. О.,
9 линия 12.